

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-78-87>

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Коняхин В.П.*, Петровский А.В., Прохорова М.Л.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Коняхин В.П., Петровский А.В., Прохорова М.Л. Социология международного уголовного права: история и современность. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):78–87. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-78-87>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Коняхин Владимир Павлович*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: kup_kubgu@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 15.05.2023

Статья принята к печати: 15.06.2023

Дата публикации: 26.06.2023

Аннотация: В современных реалиях использование социологического подхода для изучения норм и институтов международного уголовного права, представляется весьма актуальным и перспективным. *Целью* настоящей статьи является обоснование положения о том, что такой подход позволяет выявить позитивные и негативные последствия действия названных норм и институтов для мирового сообщества, а также оценить их легитимность, качественные характеристики, эффективность. Достижению указанной цели способствует решение *задач*, которые в своей совокупности обеспечили синтез международного уголовного права и социологии, создавший позитивные знания о социальных фактах либо закономерностях, обусловленных действиями уголовно-правовых норм по обеспечению глобальной безопасности и международного правопорядка в целом. Исследование верифицированных и проверенных временем доктринальных положений социологии и международного уголовного права осуществлялось на базе основных законов и категорий диалектики. Применение философских, общенаучных и специально-научных *методов* позволило авторам получить новое знание об объекте, предмете, задачах и функциях социологии международного уголовного права, а научному сообществу – необходимый оценочно-аналитический материал для принятия продуктивных геополитических решений.

По результатам проведенного исследования формулируется вывод о том, что данная подотрасль научного знания, с одной стороны должна выполнять общетеоретическую роль, олицетворяя доктринальный статус социологии международного уголовного права, а, с другой – посредством эмпирических методик определять социальную обусловленность и эффективность уголовно-правового запрета в сфере защиты прав, свобод и интересов мирового сообщества на общепланетарном и региональном уровнях.

Ключевые слова: социология, международное уголовное право, предмет, задачи, функции, международное преступление, криминализация, декриминализация.

SOCIOLOGY OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW: HISTORY AND MODERNITY

Vladimir P. Konyakhin*, Anton V. Petrovsky, Marina L. Prokhorova
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Konyakhin V.P., Petrovsky A.V., Prokhorova M.L. Sociology of international criminal law: history and modernity. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(2):78–87. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-78-87>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir P. Konyakhin*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: kup_kubgu@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 15.05.2023

The article has been accepted for publication: 15.06.2023

Date of publication: 26.06.2023

Annotation: In modern realities, the use of a sociological approach to study the norms and institutions of international criminal law seems to be very relevant and promising. The purpose of this article is to substantiate the proposition that such an approach makes it possible to identify the positive and negative consequences of the actions of these norms and institutions for the world community, as well as to assess their legitimacy, qualitative characteristics, and effectiveness. The achievement of this goal is facilitated by the solution of tasks that, in their totality, ensured the synthesis of international criminal law and sociology, which created positive knowledge about social facts or patterns due to the actions of criminal law to ensure global security and international law and order in general. The study of verified and time-tested doctrinal provisions of sociology and international criminal law was carried out on the basis of the basic laws and categories of dialectics. The use of philosophical, general scientific and special scientific methods allowed the authors to gain new knowledge about the object, subject, tasks and functions of the sociology of international criminal law, and the scientific community - the necessary evaluation and analytical material for making productive geopolitical decisions.

Based on the results of the study, the conclusion is formulated that this sub-branch of scientific knowledge, on the one hand, should play a general theoretical role, embodying the doctrinal status of the sociology of international criminal law, and, on the other hand, by means of empirical methods to determine the social conditionality and effectiveness of the criminal law prohibition in the field of protection of the rights, freedoms and interests of the world community at the planetary and regional levels.

Keywords: sociology, international criminal law, criminal law, subject, tasks, functions, international crime, criminalization, decriminalization.

Введение

История социологии международного уголовного права своими генетическими корнями уходит в глубокое прошлое. Впервые признаки социологического анализа обусловленности политики государства демографическими, географическими и общекультурными факторами можно найти в сочинениях Платона, Аристотеля, а также греческих и римских стоиков¹. Теория-идея естественного

¹ Аристотель (384–322 до н.э.). Политика / Аристотель; (пер. с древнегреческого С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова). Москва: АСТ: Астрель; 2012; Платон (427–347 до н.э.) Сочинения: в 4 т. / Платон; под общ.

права, сформулированная Цицероном в работе «О государстве», определяла его как правду и справедливость (*justitia*), искусство добра и равенства (*bonitas et aequalitas*), ставя превыше государственных законов [11, с. 7–81].

Древние греки и воспитанные на эллинических идеях римляне рассматривали государство как всемогущий институт, не признающий любого проявления индивидуализма. Учитывая, что в античности состояние потенциальной войны было естественным для отношений одного государства с другим, то и мир между ними существовал только потому, что был обусловлен межгосударственным договором, результатом которого являлись мир, дружба либо союз. Доктрина торжества силы и господствующего этноса (класса) над человеческим миропорядком обосновывала создание империй, где образующий этнос был главным по отношению к другим (Империи Дария, Греко-македонская империя, Римская империя) и имел право определять допустимое и запрещенное. Доминировала идея, что правопорядок и социальный мир могут существовать исключительно на базе единого государства, соответственно, вселенский мир возможен лишь в условиях мировой империи (в частности, Римская империя). Только империи (системы государств или союзы, обладающие силой) способны взаимно уравнивать друг друга, и только между ними допустим арбитраж, осуществляемый третьей, не менее могущественной стороной. Разрешение межгосударственных конфликтов и вопросов ответственности индивидов за преступления против интересов других стран основывалось на неписаных религиозно-этнических правилах поведения и писаных договорах. Религиозная универсализация (смешивание религий и верований) античного мира обосновывала наказание за преступления и социально-вредные действия, совершаемые на территории всеми почитаемых святилищ (запрет убийства у алтаря или в храме), за посягательства на послов и на имущественные права добропорядочных иностранцев, приносящих экономическую пользу, на правила обмена и выкупа военнопленных.

Пришедшее на смену античности средневековье разрушило всю систему межгосударственных соглашений, регламентирующих политическую защиту от войн и от повсеместного совершения преступлений, так как суверенитет государств стал фикцией, земля империи была разделена на наследственные феодалы, а общественные функции, позиции, интересы господ и жителей территорий были ощутимо локализованы. Социальным институтом, объединяющим народы средневекового мира, была религия, поэтому нарушение религиозных догматов и предписаний, совершение греховных или запрещенных религией поступков (*харам*) рассматривалось как преступление независимо от национальной принадлежности, социальной иерархии или имущественного положения. Например, ислам запрещал (и запрещает), чтобы мусульманин был рабом у мусульманина, а христианство признавало преступным причинение вреда церковному имуществу, оскорбление веры, вольную трактовку церковных догматов и т.д.

Войны между государствами обосновывались в том числе идеями средневековых теологов: а) земная власть установлена Богом для пользы народов по причине их греховности и испорченности, соответственно, разделение людей на господ и подчиненных есть премудрость Божия [9]; б) свержение верховной власти любого государства есть дело благочестивое при условии, что верховный правитель не соблюдает постулаты божественного и естественного права, которое всегда превалирует над юридическими нормами [7, с. 217–244].

Исходя из представленных тезисов, уничтожение ереси, искоренение поступков, признаваемых религиозно-светскими нормами греховными, было законным основанием для войн (испанская реконкиста), уничтожения отдельных социальных или этнических групп (альбигойские войны, завоевание прибалтийских земель немцами). Ведение войн, истребление грешников и лишение нечестивых людей имущества – это обязанность царской власти, потому что она отображение божественной и призвана содействовать спасению человечества.

В XVI–XVIII вв. в Западной Европе происходит становление национальных государств, победивших церковь, и сумевших сконцентрировать власть в пределах своих территорий. Ученые, отойдя от теологии, заменяющей знание верой или умозрительными заключениями, в эпоху Возрождения обратились к методам точных наук (наблюдению и описанию). Феодальный правопорядок рассматривался как рукотворная и искусственная модель, противоречащая божественному праву и природе людей. Объяснением этому был элементарный рационализм, так как международная законотворческая деятельность в XV–XVII вв. базировалась на соглашениях и

договорах государств, эффективность которых проверялась исключительно опытом их межгосударственного общения. Сила оставалась единственным инструментом разрешения споров и конфликтов между странами, потому что «все вооруженные пророки побеждали и все безоружные гибли». Территориальная обособленность также считалось понятием относительным, ибо четкими границами государства не обладали, но имели сферы влияния, т.е. распространяли свою власть и контроль на территории конкретных стран (Нидерланды и Северная Италия являлись частью королевства Испании и т.д.), что считалось законным¹. Источниками международного права были римское и естественное право, поэтому следствием юридического позитивизма стала доктрина «согласия и власти», применяемая в тот период как в международном, так и в национальном праве: войны не запрещены правом ни божественным, ни естественным, ни международным [2, с. 220–221]. Указанная доктрина как признавала состояние мирного сосуществования, так и допускала захват чужих территорий, совершение особо тяжких преступлений (аннексию территорий, колониализм, рабский и детский труд, принудительную торговлю) на основании того, что нарушения, являющиеся причиной судебных исков, одновременно считались справедливыми причинами для объявления войны².

На систему норм международного права XVII–XIX вв. серьезное влияние оказывали устойчивые правовые режимы в «нечувствительных» к переменам государствах того периода. Само международное право существовало в двух ипостасях – право сосуществования и право хищнического истребления. В условиях мирного времени государства находили общие точки соприкосновения в сфере экономики, мореплавания, пересечения границ гражданами и товарами. В то же время применение военной силы, аннексия территорий, хищническое истребление, неравноправные договоры не находились под запретом. Классическая социологическая школа концентрировалась на ценностных императивах, нашедших отражение в истории и культуре каждого государства³. Марксистское понимание строилось на постулате о том, что в основе развития человечества лежат материальный интерес, способ производства, где экономика – системообразующий, интегрирующий фактор, подчиняющий себе международные отношения, интересы мирового сообщества по защите и охране капиталистического образа жизни [6, с. 82–140].

Буржуазия, максимально заинтересованная в детальной регламентации социальных процессов, активизировала развитие юридической техники для создания кодифицированных нормативных правовых актов. И если в эпоху ранней буржуазной демократии XVII–XVIII вв. государство выполняло роль «ночного стражника», не вмешиваясь в экономику и международные торговые отношения, то в период господства монополий оно было вынуждено брать на себя функции защитника социальных гарантий и прав своих граждан, ограничивая транснациональные монополии, охраняя интересы собственного бизнеса от внешнего давления. Международное сообщество интерпретировало поведение граждан и должностных лиц, отталкиваясь от миссионерских функций и цивилизационного многообразия причинности социальных явлений, объясняя этим необходимость уничтожения бургундских республик либо африканцев в Конго. Классические институты ранней буржуазной демократии – парламент, референдумы, многопартийная система вынуждены были подстраиваться под реальность империализма, ориентированного на захват рынков других стран военными и хищническо-экономическими методами⁴. В итоге эти институты демократии оказались неэффективными, что привело к власти в 20–30-е годы XX века авторитарные и тоталитарные режимы.

Мировые войны начала и середины XX в. создали реальную угрозу разрушения цивилизации, уничтожения целых народов и государств. Произошедшие события послужили толчком к появлению

¹ Боден Жан (1530–1596). Метод легкого чтения историй: в трех томах / Жан Боден; перевод с латинского языка, научные статьи и комментарии И.В. Кривушина и Е.С. Кривушиной; Высшая школа экономики национальный исследовательский университет. Москва: Издат. дом Высшей школы экономики; 2018. С. 118–132.

² Гроций Гуго. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Гуго Гроций; Пер. с латин. А.Л. Саккетти; Москва: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. С. 171, 178, 196.

³ Карбонье Жан. Юридическая социология / Ж. Карбонье; Пер. и вступ. ст. В.А. Туманова. Благовещенск: Благовещ. гуманитар. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ; 1998.

⁴ Дюркгейм Эмиль (1858–1917). О разделении общественного труда / Эмиль Дюркгейм; перевод с французского А.Б. Гофмана. Москва: Канон; 1996. С. 238–360.

научных идей о том, что международное сообщество должно отказаться от произвольных соглашений и ограничить «всемогущество» власти либо волеизъявление отдельных стран или государственных союзов. Социологическая мысль обосновала вывод о необходимости разрешения конфликтов и криминальных проблем человеческой цивилизации на основе объективных правовых норм, имеющих силу закона, безотносительно к волеизъявлению того или иного суверенного государства [12, с. 235–240]. Высшими ценностями стали жизнь, здоровье человека, его свобода от природных и социальных ограничений. Промышленные революции явились стимулом индустриализации, развития технологий и науки. Эти социальные процессы способствовали криминализации апартеида, расовой и иной ненависти, геноцида, экоцида, а также обусловили уголовно-правовую защиту авторских прав, легального оборота денежных средств и т.д. В рамках социологической доктрины конца XX в. идея доминирования сильного государства, навязывающего свою волю, стала восприниматься с предубеждением, права и свободы человека превратились в главные объекты, требующие уголовно-правовой охраны. Получила распространение мысль о том, что справедливая охрана человеческих прав и свобод возможна только при реализации принципа верховенства международно-правовых норм на национальных и межгосударственных уровнях, обязательной их имплементации в локальное законодательство [10, с. 44–80].

Методы исследования

Методологической основой настоящей работы выступили положения и принципы диалектического метода познания: историзм, обоснованность, системность, всеобщая связь явлений. Использовались также многократно доказавшие свою эффективность общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация) и частно-научные методы исследования (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и конкретно-социологический).

При этом базовым стал анализ документов, связанный с изучением их источников для систематизации, дифференциации и дальнейшей интерпретации полученной информации в целях решения поставленных исследовательских задач. Оперирование всем комплексом перечисленных методов и средств позволило отразить взаимосвязь теории и практики, формы и содержания объекта настоящего исследования.

Результаты исследования

Основу социологии международного уголовного права составляют социология права, а также общая теория права. Познанию обусловленности и эффективности норм международного уголовного права способствуют теории социологии права, созданные известными представителями российской традиции: Г.Д. Гурвичем, Н.М. Коркуновым, С.А. Муромцевым, Л.И. Петражицким, Н.С. Тимашевым, П.А. Сорокиным. Основные их идеи сводятся к следующим утверждениям: а) социальная действительность и право тесно связаны и нуждается в коллективном признании, правопорядок зависит от конфликта субъективных и объективных ценностей, а справедливость меняется вместе с социальной реальностью¹; б) человеческому сообществу присуща социальная инженерия, развивающаяся от интуитивного (бессознательного) к выработке юридических норм, в рамках которой законодательство выступает индикатором коллективной солидарности [3, с. 40–57]; в) государства обладают юридической и политической суверенностью, отражающей их локальную сущность, а сами правовые нормы содействуют достижению правопорядка только тогда, когда они признаются населением и элитами [8, с. 109–111]; г) право зависит от социальной динамики и циклически изменяется вместе с культурными системами общества, где каждое преобразование отражает свойственные ему философию, религиозные установки, искусство, научные взгляды, этические нормы [4, с. 332–380].

Исследуя проблемы соотношения общества, права, норм и ценностей, используя такие понятия, как «социальное понуждение», «социальный контроль», «социальный порядок», социология изучает обусловленность интернациональных правовых институтов и социальную эффективность действия норм, определяющих преступление и наказание. Таким образом, природа международного уголовного права может быть рассмотрена не только исходя из толкования и изучения закона, но и с опорой на исследование общественных потребностей, инициирующих криминализацию того или иного деяния, вопросов общественной обусловленности пенализации (депенализации). Социологические исследования способны раскрыть позитивные и негативные последствия результатов реализации уголовной ответственности для мирового сообщества, показать

¹ Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избр. соч. / Г.Д. Гурвич; пер. с фр. М.В. Антонова; пер. с англ. М.В. Ворониной. СПб.: Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та; 2004. С. 55–81.

легитимность, эффективность и качество нормативных конструкций международного уголовного права как наднационального социального феномена.

Уголовно-правовая наука довольно успешно использует социологический подход в сфере изучения социальной обусловленности уголовно-правовых норм и эффективности действия, а также, отчасти, факторов преступности и преступного поведения (М.Н. Гернет, С.К. Гогель, М.Н. Духовский, Н.Д. Сергиевский, И.Я. Фойницкий, Е.Н. Тарновский, А.А. Герцензон, Б.В. Здравомыслов, Г.А. Кригер, Л.И. Спиридонов). Основная цель этих исследований заключается в прогнозировании изменений норм уголовного права и формулировании рекомендаций по их совершенствованию на основе изучения реального действия таковых [1, с. 36–58].

Аккумулируя изложенное, можно заключить, что под *социологией уголовного права* понимается область научных исследований в уголовном праве, в рамках которой посредством использования конкретно-социологических методов изучаются социальные истоки, содержание и последствия действия уголовного закона. Такой подход поддерживается большинством ученых-юристов, отмечающих, что наука уголовного права, разрабатывая теоретические проблемы, должна одновременно изучать закономерности формирования системы уголовно-правовых норм, пути их оптимизации и повышения эффективности наказания, сочетая правовой метод с социологическим, при помощи частной социологической теории – социологии уголовного права. Идея синтезировать юридические и социологические подходы при изучении уголовного права была реализована Л.И. Спиридоновым, который с позиции философии, социологии, теории права и государства проанализировал основные уголовно-правовые институты и категории [5, с. 7–24].

В свете изложенного вполне уместно провести аналогию, предположив, что локальное (национальное) уголовное право взаимосвязано с интернациональным, а социологические методы будут содействовать установлению обоснованности и эффективности норм международного уголовного права, выявят их взаимосвязь с регулируемыми ими общественными отношениями, а также со смежными социальными явлениями глобального (общемирового) масштаба. Иначе говоря, социологический подход позволяет изучать уголовно-правовую норму во взаимосвязи с межнациональной социальной реальностью, влияющей на запрет (криминализацию, декриминализацию, пенализацию, депенализацию) и определяющей алгоритм применения такой нормы на практике. Обусловленность международной уголовно-правовой нормы и значимость ответственности должны устанавливаться эмпирическим путем – посредством изучения объективной необходимости охраны общественных отношений, вытекающих из потребностей интернационального сообщества.

В настоящее время существует два основных подхода к определению понятия сущности и предмета социологии международного уголовного права. Первый позиционирует данную науку как часть правоведения, изучающую социальные условия возникновения (генезис), развития и действия права в обществе. Представители второго научного направления полагают, что их задача заключается в изучении основ правопорядка, причин и условий социальных изменений, происходящих под воздействием права, в целях дальнейшего совершенствования правового регулирования общественных отношений. Исходя из гипотезы, что категория «международное преступление» может обладать множеством значений, второй подход более перспективен для международного уголовного права. Он позволяет исследовать обычаи, мораль, групповые ценности и ориентации, общественное мнение, социальную обусловленность и продуктивность действия как законодательства в целом, так и его отдельных норм.

Научная дискуссия

Таким образом, *социология международного уголовного права – это раздел (подотрасль) уголовно-правовой науки интегративного содержания, посвященный изучению социальной обусловленности и закономерностям формирования норм и институтов международного уголовного права, их функционирования и эффективности в процессе противодействия общемировой преступности, обеспечения общепланетарной безопасности и правопорядка в контексте существования государств с различной ценностной ориентацией и принадлежностью к различным общественно-политическими системами.*

В рамках социологии международного уголовного права можно выделить два концептуальных направления:

1) *макросоциологию*, призванную выполнять доктринальную роль, формулируя гипотезы и проводя общетеоретические исследования закономерностей функционирования институтов международного уголовного права;

2) *микросоциологию*, олицетворяющую прикладное направление и представляющее собой систему эмпирических процедур и методик, определяющих социальную обусловленность и необходимость уголовно-правового запрета, его эффективность при осуществлении защиты интересов всего мирового сообщества.

Объектом социологии международного уголовного права выступает социально-правовая реальность, складывающаяся в контексте антикриминальной охраны интересов всего мирового сообщества и образующих его государств, удержания их должностных лиц и служащих, а также рядовых граждан в рамках цивилизованного и правопослушного, одобряемого международным сообществом поведения.

Предмет социологии международного уголовного права образуют:

- 1) нормы, социальные структуры, ценности, установки и институты, существующие в человеческой цивилизации и обуславливающие их охрану уголовно-правовыми средствами;
- 2) содержание безопасной социальной жизни мирового сообщества;
- 3) индикаторы оптимального функционирования уголовно-правовых норм в международном социальном пространстве;
- 4) генезис мировой системы безопасности и правопорядка.

Цель социологии международного уголовного права состоит в познании объективной действительности существования мирового сообщества, механизмов его саморегуляции, правовой реальности, взаимосвязи юридических норм и фактических отношений для эффективного разрешения международных и локальных конфликтов, а также защиты интересов всего интернационального сообщества в целом.

Методы, применяемые социологией международного уголовного права, представляют собой комплекс приемов и способов, обладающих познавательными свойствами и отражающие аналитические способности их пользователей. Они могут быть как аналогичными методам общей социологии, так и специфическими. Международное уголовное право тяготеет к методологической определенности и выдержанности тех традиционных позиций, которые на протяжении длительного времени обуславливали вектор исследовательского поиска в том или ином направлении.

Социология международного уголовного права, анализируя криминальные явления и реакцию на них интернациональных общественных структур, помогает выявлять процессы, нуждающиеся в нормализации или защите (охране) посредством юридических норм. Кроме того, она призвана предвосхитить возможную реакцию международного сообщества и отдельных его локальных групп на те или иные уголовно-правовые запреты.

Исходя из этого, *задачами социологии международного уголовного права* как раздела (подотрасли) уголовно-правовой науки являются:

а) изучение общественных отношений, выступающих детерминантами соглашений (договоров), влияющих на доминирующий международный правопорядок, сложившиеся межнациональные правила общежития и оценки тех или иных их нарушений (девиаций) как опасных для мирового сообщества в целом либо отдельных его структур;

б) познание социально-экономических, политических и культурных обстоятельств существования локальных или мировых цивилизаций, генерирующих причины и условия криминализации (декриминализации), пенализации (депенализации) деяний в контексте доминирующей на том или ином этапе развития человечества теории справедливости;

в) осуществление экспертной оценки международного уголовного законодательства как специфической социальной системы, выступающей в качестве единого интегративного целого и обладающей характерными типовыми признаками, не позволяющими ее отождествлять ни с какими-либо другими социально-правовыми аналогами;

г) проведение анализа процесса функционирования международного уголовного права в целом и его норм, в частности, как специфической системы, обладающей эксклюзивными признаками;

д) исследование социальной обусловленности соблюдения требований уголовно-правовых норм гражданами государств, состоящих в ООН и иных международных организациях, включенных в жизнь мировой цивилизации;

е) осмысление процессов воздействия цивилизационной мегасистемы на международное уголовное право и обратного влияния последнего на человеческую цивилизацию;

ж) подведение результатов функционирования международных уголовно-правовых норм, отражающих их эффективность с учетом исторических периодов, уровней цивилизационного,

социально-экономического и политического развития, форм государственного устройства, а также реального либо формального уровня суверенитета участников мирового сообщества.

Функции социологии международного уголовного права отражают его предназначение с точки зрения потребностей мирового сообщества, а также основные направления воздействия институтов принуждения на общественные отношения с целью их упорядочивания. Все функции социологии международного уголовного права тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Их осуществление способно дать позитивный результат, если они будут реализовываться в определенном сочетании (комплексе).

На современном этапе социология международного уголовного права выполняет 8 основных функций.

1. *Социографическая*, состоящая в синтезе этнографических, культурологических и социологических методов познания мировой правовой реальности, условий жизни социальных и политических классов, национальных и профессиональных групп для более информативного описания возникновения и развития норм и институтов международного уголовного права с учетом их возможных признаков, и связей. Данная функция служит основой для определения роли отдельных государств, международных сообществ, наций и народов, борющихся за независимость в разработке концепции уголовной ответственности за международные преступления, конкретизации и трансформации признаков их криминальности и наказуемости. Выявленные в ходе реализации указанной функции мировоззренческие, идеологические и религиозно-культурные ценности социальных групп, государств и государственных образований могут служить логическим обоснованием доктрины, которая отчасти признается источником международного уголовного права.

2. *Оценочно-диагностическая*, дающая возможность с максимальной полнотой проводить анализ выявленных свойств международных или локальных социально-правовых явлений, событий и фактов с точки зрения значимости в формировании наднационального уголовного законодательства, а также в выстраивании аксиологических объяснительных моделей эффективности применения его норм.

3. *Прогностическая*, позволяющая устанавливать корреляции социальных явлений и динамики международного уголовного законодательства, предвидеть изменение его норм в будущем (криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация), выявлять здесь отрицательные и положительные тенденции, закономерности и отыскивать эффективные способы стабилизации или оптимизации этих тенденций и закономерностей.

4. *Научно-практическая*, заключающаяся в оценке фактических прецедентов (решений судебных органов) или правоприменительного опыта в целом посредством качественного и количественного анализа масштабов и параметров реализации норм международного уголовного права, их генезиса в условиях проявления различных экономических, политических и юридических факторов.

5. *Экспертная*, предполагающая изучение и анализ мнения профессиональных ученых и практиков относительно результативности норм международного уголовного права. Предназначение указанной функции заключается в фильтрации избыточных предложений и рекомендаций по корректировке актов международного уголовного права, особенно в части легального описания предусмотренных в них деяний (с точки зрения их криминализации или возможной декриминализации). Получаемые экспертные оценки можно использовать для повышения эффективности уголовно-правовой и криминологической политики, в том числе, для разрешения межгосударственных, религиозных и этнических конфликтов.

6. *Онтологическая*, предполагающая формирование перспективных задач для дальнейшего развития социологии международного уголовного права, наполнение и систематизацию последней соответствующей информацией в целях получения новых знаний о международной уголовно-правовой действительности.

7. *Эвристическая*, знаменующая собой исследование различных криминальных явлений, эффективности реализации уголовной ответственности и наказания за международные преступления с целью установления и внедрения новых методов противодействия им.

8. *Политическая*, означающая что реальное «бытие» разнообразных норм и институтов международного уголовного права способствует выбору государствами (союзами государств) наиболее рациональных направлений противодействия криминальным угрозам как на своей, так и на других территориях, что, в конечном счете, может привести к изменению политического курса той

или иной страны.

Проведенное исследование, будучи одним из первых в отечественной социологии международного уголовного права, разумеется, не претендует на всесторонний и всеобъемлющий характер. Однако, как представляется, оно может служить ориентиром для продолжения в дальнейшем научных изысканий по всему спектру обозначенных проблем.

Список использованной литературы:

1. Герцензон А.А. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. М.: Юрид. лит.; 1970.
2. Монтескье Ш.Л. Персидские письма. М.: Гослитиздат; 1956.
3. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Изд-во «Лань»; 2000.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
5. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М.: Юр. лит-ра; 1986.
6. Спенсер Г. Личность и государство: опыты о государстве, обществе и свободе. М.: Челябинск; 2020.
7. Срединская Н.Б. Трактат Фомы Аквинского «О правлении государей». *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.): Сб. ст.* / Под ред. В.И. Рутенбурга, И.П. Медведева. Ленинград, 1990.
8. Тимашев Н.С. Что такое социология права? *Социологические исследования*. 2004;(4(240)):107–112.
9. Тимошина Е.В. Учение о царской власти в византийской церковной историографии IV–VI вв.: в сравнении с учением святоотеческой литературы IV в. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1994;(5–6):141–148.
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2010.
11. Цицерон М.Т. Диалоги о государстве – о законах. М., 1994.
12. Kolb R. Politis and sociological jurisprudence of inter-war international law. *European journal of international law*. 2012;(23(1)):233–241.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коняхин Владимир Павлович*

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

AuthorID: 350294

Петровский Антон Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-0326-0807

References:

1. Gertsenzon A.A. [Criminal law and sociology. Problems of sociology of criminal law and criminal policy]. Moscow: Jurid. lit.; 1970. (In Russ.)]
2. Montesquieu Sh.L. [Persian Letters]. Moscow: Goslitizdat; 1956. (In Russ.)]
3. Petrazhitzkii L.I. [The theory of law and the State in connection with the theory of morality]. St. Petersburg: Publishing house "Lan"; 2000. (In Russ.)]
4. Sorokin P.A. [Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992. (In Russ.)]
5. Spiridonov L.I. [Sociology of criminal law]. Moscow: Legal lit-ra; 1986. (In Russ.)]
6. Spenser G. [Personality and the State: experiments on the state, society and freedom]. Moscow: Chelyabinsk; 2020. (In Russ.)]
7. Sredinskaya N.B. [The treatise of Thomas Aquinas "On the rule of sovereigns"]. *Politicheskie struktury ehpokhi feodalizma v Zapadnoi Evrope (VI–XVII vv.): Sb. st. = Politicheskie struktury ehpokhi feodalizma v Zapadnoi Evrope (VI–XVII vv.): Sat. art.* / Edited by V.I. Rutenburg, I.P. Medvedev. Leningrad, 1990. (In Russ.)]
8. Timashev N.S. [What is the sociology of law?] *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2004;(4(240)):107–112. (In Russ.)]
9. Timoshina E.V. [The doctrine of Tsarist power in the Byzantine Church Historiography of the IV–VI centuries: in comparison with the teaching of Patristic literature of the IV century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of higher educational institutions. Jurisprudence*. 1994;(5–6):141–148. (In Russ.)]
10. Fukuyama F. [The end of the story and the last man]. M., 2010. (In Russ.)]
11. Tsitseron M.T. [Dialogues about the state – about the laws]. M., 1994. (In Russ.)]
12. Kolb R. Politis and sociological jurisprudence of inter-war international law. *European journal of international law*. 2012;(23(1)):233–241.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir P. Konyakhin*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

AuthorID: 350294

Anton V. Petrovskiy

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University" ORCID: 0000-0002-0326-0807

Прохорова Марина Леонидовна

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет»

ORCID: 0000-0003-1011-2316

AuthorID: 415969

Marina L. Prokhorova

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO
"Kuban State University"

ORCID: 0000-0003-1011-2316

AuthorID: 415969